

Творческая Мастерская научной фантастики

Красковский Д.

АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ

(Окончание. Начало см. в № 1, 2, 2019)

АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ

Вызов «Мирона» по резервному каналу напомнил, скорее, чувствительный толчок в плечо, чем вежливый доклад. Впрочем, так и должно быть, когда речь идет о возможной (а если точнее, то *очень* возможной) опасности. До Касситерид оставалось четверть часа лету, и «Мирон» послушно объявлял общую тревогу. Гайя уже не спала, а только полудремала в своем гамаке с открытыми глазами.

– Привет! – она улыбнулась Элю. – С добрым утром!

– Спасибо, – ответил ей Эль. – Взаимно!

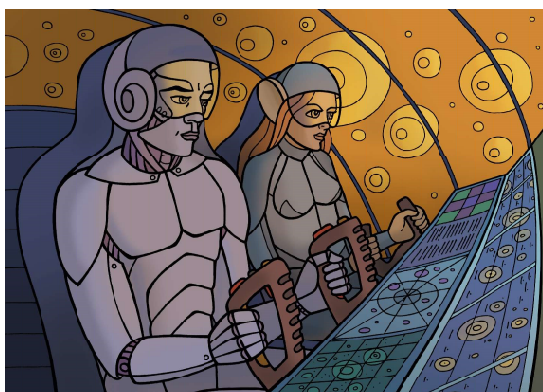
– Я, как всегда, на пилотировании? – ее ладошка нежно коснулась запястья Эля.

– Угу, – ответил он. Уж в чем – в чем, а в пилотировании Гайе не было равных, как, впрочем, и в добром десятке других сфер

деятельности. Впрочем, в стрельбе Эль тоже был не на последнем месте, а пострелять, по всей видимости, придется основательно – пояс Касситерид слишком плотный, на одном маневрировании его не пройдешь.

Последующие более чем два часа прошли в непрерывных бросках из стороны в сторону, сопровождаемых беглым огнем из противометеорной пушки. Она, конечно, не могла начисто уничтожить встречные «бульжники», иные из которых были размером побольше Гайиной лодочки, но этого и не требовалось. Плазменный разряд, которым Эль угощал нарушителя космических «правил дорожного движения», просто испарял часть поверхности, и такого импульса (а иногда нескольких) хватало, чтобы «оттолкнуть» мешающую глыбу с курса. Ни о чем ином, кроме стрельбы, Эль думать не мог, тем более, что большая часть ресурсов его мозга – УИМа была отдана в распоряжение «Мирона» и использовалась для расчетов траекторий. Впрочем, Гайе доставалось не меньше: ее опыт и интуиция иной раз бывали сильнее машинной логики – блокируя команды «Мирона», она переходила на ручное управление и умудрялась уворачиваться из самых, казалось бы, безнадежных ситуаций. Наконец прекрасная пилотесса облегченно вздохнула, поправила сбившийся чубчик и объявила:

– С прибытием! Мы в причальном поле!

Эль отключил пушку и откинулся в кресле. Теперь заботы об их безопасности брала на себя охранная система Касситеры – крупной, хорошо развитой промышленной колонии землян, куда они везли буровое оборудование согласно случайно подвернувшемуся весьма выгодному контракту.

На центральном экране медленно наполнился тяжелый, почти правильный по форме шар базовой планеты. Невидимые силовые линии причального поля постепенно подтягивали их к пирсу ближайшей орбитальной таможенной станции. «Мирон», обмениваясь радиоимпульсами с «бортовиком» орбитальной станции, контролировал процесс причаливания автоматически – Эль в него не вмешивался и запросил лишь мыслеточет о результатах, когда почувствовал довольно чувствительный толчок «Геракла» в момент фиксации стыковочных узлов. Змеино зашипел воздух, выпускаемый в шлюз, и люки с сухим шелестом раскрылись, приглашая на выход.

– Здравствуйте! – немного с «металлическим привкусом» из-за упрощенной конструкции звукоизлучателей, но явно живой, не машинный голос. Встречает не человек – робот. Легкая конструкция а-ля «оживший скелет», предназначенная для работ в невесомости и малом тяготении: тонкие трубчатые «кости» с шарнирами «суставов», тяги приводов все на виду и только кое-где прикрыты тонкой оболочкой. Движения, впрочем, плавные и размеренные – если этой конструкцией управляет кибермозг, то очень совершенный. Но, похоже, это только дистанционно управляемый «теледвойник», водитель которого находится где-то в центральных рубках или даже вообще на поверхности планеты.

Элю уже приходилось бывать здесь раньше, и он знал местные порядки. Собственно, «таможней» станцию можно было назвать только условно: вся требуемая местным властям информация о прибывших автоматически считывалась из корабельной базы данных через бортовые компьютеры и также автоматически регистрировалась. Так что визит «скелетика» – скорее дань традициям и вежливости: приветствовать гос-

тей и снабдить их самой свежей информацией о происходящем. Последнее, правда, возлагается не на него – он только провожаемый к ближайшему инфоцентру.

Эль учтиво кивнул.

– Следуйте за мной, – на механическом «лице» ноль эмоций, это просто металлическая «маска», лишь отдаленное подобие человеческого лица, но голос вежливый. Уже хорошо: значит, их признали за своих. Так не всегда и не везде бывает сразу – Эль это хорошо знал по личному опыту. А впрочем, у них официальный контракт, так что неожиданностей не будет.

Коридор не длинный, шагов в пятьдесят – конечно, его, элевых. «Скелетик» ножками перебирает почаще, забавно топает по металлическому полу, как ребенок. Эль недовольно поморщился: ну и клацают же магнитные «подшвы» на его башмаках, как это Гайя умудряется в таких же идти тихо? Но вот уже и инфоцентр: пустая комнатка-ячейка, похожая на садовую беседку, ажурные стены-арки возносятся вверх изящный купол потолка, и все это накрывает внешний купол глубокого небесно-синего цвета, чтобы уберечь посетителей от клаустрофобии. Ни дисплеев, ни коммуникационных амбразур, ни чего-либо подобного: касситериане в них не нуждаются. Только две удобные скамейки, адаптирующиеся под анатомию посетителя, и низенький столик, крышка которого при необходимости сама отображает все, что требуется. Скамейки установлены по двум сторонам правильного треугольника, в который «вписан» круглый столик, третья сторона оставлена пустой. Впрочем, она уже не пустая: в воздухе закрутилась метелица разноцветных мерцающих нитей, свилась в спиральный жгут, рассыпалась тысячей световых снежинок и сначала призрачно, а через мгновение став реальной, перед Элем и Гайей возникла из ниоткуда высокая и стройная рыжеволосая девушка-коммуникатор.

– Касситера приветствует гостей из открытого пространства, – голос плавный, певучий. Впрочем, для коммуникаторов здесь правила профессионального отбора строже, чем на конкурсах красоты. Коммуникаторы

на Касситере – это самые главные люди, главнее, чем даже сам Председатель и весь его Верховный Совет. И не внешность здесь главное (тем более, что эта рыжеволосая красотка – скорее всего лишь искусственно созданный компьютерами облик), а некоторые, пока таинственные и непонятые, способности или, может быть, просто особенности мышления...

Первоначально Касситера развивалась так же, как и Ярла: от компьютеров к реалитронам, от примитивных информационных технологий к единой планетарной информационной сети и виртуальной реальности. В какие неприятности или, наоборот, преимущества это бы вылилось здесь, неизвестно: пример Ярлы был достаточно наглядным – становится «придатком» виртуального мира желающих теперь было немного. И касситериане нашли другой путь – сумели объединиться в сверхразум, не утрачивая собственных индивидуальностей. Если говорить откровенно, то каждый из них – тоже киборг, как и Эль, только «киборг наоборот»: мозг каждого дополнен микрокомпьютером, который обеспечивает мгновенный мыслеобмен любого жителя планеты с любым другим (или даже с несколькими другими), где бы они ни находились. Собственно, для касситериан в некотором смысле перестало существовать пространство как что-то разделяющее; в общении для них не было ровно никакой разницы, идет ли обмен мыслями с соседом или с жителем противоположного полушария планеты. Изменилось и обучение – теперь заучивать, запоминать ничего было не нужно: зачем, если достаточно лишь задать себе вопрос и тут же получить на него ответ из почти безграничной машинной памяти. Обучение, не требующее посещения школ или других каких-то заведений и вообще не имеющее формы какой-либо особой деятельности, ставило своей целью научить применять имеющиеся знания, а еще важнее – развивать интуицию, единственную для человека возможность порождать новую информацию. Интуистика составляла здесь основу основ, хотя и была, скорее, ближе к миру магии, чем науки: интуиции невозможно научить, можно только

попытаться «разбудить» ее, дремлющую в каждом от рождения. Интуисты через информационную сеть объединяли свои сознания – на мгновение или на более длительное время, небольшими группами или все сразу, сливаясь в единое планетарное сознание, – но оставались при этом разными индивидуальными личностями, а не безликими «нервными клетками» общего сознания. И «стыковка» этих разнородных личностей в нечто цельное была главной задачей коммуникаторов – не разумов их, а скорее подсознаний, действующих невидимо и нечувственно ни для других участников общения, ни даже для них самих. Только для гостей из внешних миров делалось исключение в виде виртуального облика надежного и всегда готового прийти на помощь спутника при посещении планеты. Там, на поверхности, «виртуал» мог сопровождать гостя постоянно – было бы только у него, у гостя, к этому желание; здесь же, на орбите, оборудование для генерации «виртуала» имелось только в инфоцентре.

«Касситера приветствует гостей из открытого пространства» – фраза, произнесенная в звуке, эхом отозвалась в насквозь «проэлектроненном» мозге Эля – «Мирон» перебрасывал ему всю информацию прямо из планетарной сети, дублируя воспроизводимое «виртуалом». Эль мысленно «отмахнулся» от этого неожиданного «информационного эха», предписав «Мирону» лишь фиксировать все получаемые данные в бортовой памяти.

– Разрешите познакомить вас с последними новостями. – Чувствуется, что коммуникатору трудно, она привыкла к гораздо большим скоростям передачи информации. Можно было бы предложить перейти на мыслеобмен через «Мирона», но хотелось бы и Гайе дать все это послушать. Ладно. Эль легким жестом предложил Гайе присесть и расположился на соседней скамейке, чинно сложив руки на столике, как примерный первоклашка: на подобных «официальных приемах» он всегда чувствовал себя несколько скованно и потому их изрядно недолго любил. Но сейчас это, как всегда, надолго. Над столиком, словно призванный

цветок лотоса, раскрылась инфосфера – полиэкранный, в котором в цвете и объеме демонстрировались изображения – от видеосюжетов до «официальных бумаг». Коммуникатор сопровождала показ необходимыми комментариями. Эль украдкой поглядывал на блестящие от удовольствия глаза Гайечки: местные новости всегда интересны – касситериане в избытке располагают свободным временем и талантливо умеют его расходовать. Во всяком случае, трансляции местных фестивалей, концертов и народных гуляний-спектаклей, где каждый зритель при желании волен стать артистом, давно уже стали любимыми видеопрограммами для всей Звездной Ойкумены, как с чьей-то легкой руки издавна называли освоенную человечеством часть Галактики. А здесь это не просто телезапись, здесь все события развертывались перед ними так же, как если бы они реально присутствовали на них в качестве зрителей.

Можно было расслабиться, «расконцентрировать» сознание. Сегодня – день приветствий и обмена любезностями, завтра – разгрузка и, скорее всего, новый контракт на вывоз обогащенного рудного концентрата, а послезавтра снова в путь и снова через пояс Касситерид, так что возможность отдыха надо постараться использовать на всю катушку. Эль забросил руки за голову и откинулся на спинку скамьи, которая послушно изменила форму, подлаживаясь под его новую позу. Удобно, очень удобно...

* * *

Эль мрачно глядел на навигационный дисплей и раздумывал о том, как это могло случиться, что их – правда, вежливо, но настойчиво – выперли с Касситеры. В соседнем кресле нервным комочком свернулась Гайя.

– Откуда ты знаешь, что нам нужно идти туда? – пробурчал он.

– Чувствую, – откликнулась она, встряхнув своими золотыми локонами.

Все-таки именно «Мирон» первым вбросил в УИМ Эля аварийное сообщение, обогнав официальные информатории касситериан почти на полсекунды.

– Война!

Точнее, пока еще локальный конфликт, но грозящий перерастанием в галактический. Анклав, давно уже точивший зубы на одну из независимых планетных систем, с приходом к власти нового Совета Пяти перешел от слов к действию и высадил десант, захватив крупнейший в галактическом секторе топливный концерн.

Касситера тоже была одной из независимых колоний. Поэтому после получения по интергалактическому кольцу информации о нападении руководство Касситеры перво-наперво постаралось избавиться от всех посторонних, имеющих хоть какое-то отношение к Анклаву. Конечно, это не была принудительная высылка в 24 часа, как принято в аналогичных случаях в том же Анклаве. Просто им помогли быстро разгрузиться, без задержек выплатили положенную цену и даже, в порядке моральной компенсации, до отказа загрузили топливные трюмы «Геракла» металлантипротонным концентратом – наилучшим рабочим телом для аннигиляционного двигателя. Так что теперь Эль вполне мог позволить себе рейс хоть до черной пылевой зоны близ галактического ядра. Куда они с Гайей, собственно, и направлялись, после того как на Касситере им помахали ручкой и сказали безапелляционное «до свидания».

А направлялись они в самое гнездовище черных призраков.

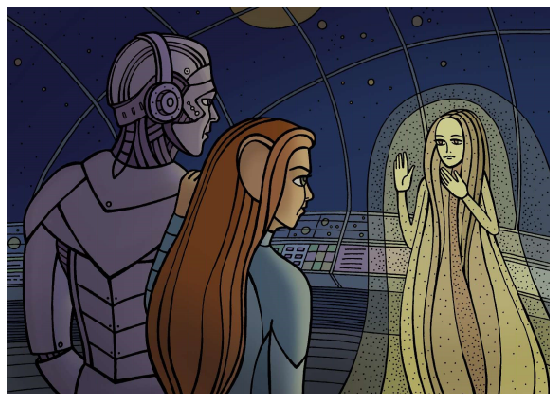
Эль хмыкнул: вряд ли в обычное время ему могла даже прийти мысль обратиться за помощью к «черным», о которых многие корабельные легенды отзывались чуть ли не как о библейском антихристе. Может быть, потому, что эта крайне мало известная цивилизация при всей ее могущественности вовсе не спешила ни с кем делиться своими знаниями, равно как и спрашивать у кого бы то ни было разрешения, когда призракам требовалось где-то во что-то вмешаться. Правда, тот факт, что обратиться к призракам им посоветовала света, тоже игнорировать не следовало. Поскольку, как известно из тех же корабельных легенд, свет всегда обо всем осведомлены.

Встречу с представительницей (или представителем?) этой энергетической расы очень сложно было как проворонить, так и впоследствии забыть. Первое – потому, что светы всегда сами безошибочно находят того, кто им нужен. И отказать от их поручения или совета просто не получается, как ни старайся, потому как всегда выясняется, что этот вариант самый для тебя удобный и выгодный. А второе...

Начнем с того, что светы – по сути своей энергеты, а точнее, энергоинформаты. Такие звездные феи или, если желаете, ангелы, в которых – ни грамма материи. Типичная света – это всего лишь сгусток энергии, по сравнению с которым даже высокоградусная плазма покажется грубым булыжником. И обитают они в пространстве более высоких измерений, чем те, которые обычные расы вообще способны ощущать. А потому само пространство для них несущественно – друг для друга светы всегда рядом, где бы они ни находились, и имеют общее, единое мышление. Причем им нет нужды создавать какой-то особый «мозг» для обработки информации, потому как они сами и есть эта информация. Но вот когда требуется что-то сделать, как говорится, «оч.умелыми ручками», светы всегда предпочитают препоручить это кому-нибудь не столь эфемерному.

– Ну почему, почему вы, люди, такие... Такие агрессивные?! – Гайечка, сжав кулачки, требовательно смотрела Элю в глаза. Как будто он виноват в том, что среди людей есть те, кто любит решать свои проблемы исключительно за счет других?

Именно в этот на редкость неподходящий момент и объявилась света. Просто воз-

никла из ниоткуда прямо в пилот-каюте «Геракла»: стройная и высокая девицеподобная фигурка, сотканная из мириадом светящихся искорок. Собственно, потому их так и называют, хотя сами светы ни в собственных, ни в общерасовых именах и названиях не нуждаются. Впрочем, и во внешних обликах тоже – разве только для контактов с другими принимают «личину», которую посчитают наиболее подходящей для этих других. Большущие миндалевидные глаза с яркими зрачками, робкая, словно бы застенчивая улыбка и завораживающий голос, глубокий и мягкий, мелодичный и нежный, будто тень перезвона серебряных колоколов, идущий изнутри собственной памяти.

«Ваши мысли ищут спасения от ночи, – ищите его у детей ночи...»

Ну почему светы никогда не могут прямо сказать, что им нужно! Эоловой флейтой пропела странную фразу – не то пожелание, не то пророчество – растаяла и исчезла. А уж как его понимать, думай сам. Правда, если опять-таки верить легендам, то еще не было случая, чтобы кто-то понял его неправильно...

«Дети ночи»... Гайя сосредоточенно наморщила лобик. На подсказку рассчитывать не приходилось. Как и на помощь обычно всемогущих вычислительных систем: задача была исключительно на интуицию.

Эль совместно с «Мироном» уже два часа поочередно прокручивал в памяти сведения о без малого девяти сотнях известных информаториям живых и мертвых цивилизациях, пытаясь догадаться, какая из них больше всего подходит под данное светой определение. Пока – совершенно безрезультатно: требовалось, чтобы искомая раса подходила под него абсолютно, то есть так, как когда говорят: «иначе не скажешь». Ибо светы всегда формулировали свои сообщения предельно ёмко и предельно конкретно, не допуская никаких иных возможных вариантов. Только вот эти лишние варианты появлялись в размышлениях сами собой, порожденные цепочками привычных ассоциаций, и теперь требовалось отсечь из них все неверные. «Дети ночи»... Те, кто привык жить в темноте? Или видит окружающее не в ви-

димом электромагнитном диапазоне, а в ультрафиолете, в инфракрасных или радиоволнах, как арнелианцы или тоорьянские летатели? А может быть, просто существа, ведущие ночной образ жизни? Но таких на разных планетах уйма, и никто из них не «ночнее» других...

Но вот, наконец, «Мирон» доложил, что весь список известных информаториям цивилизаций исчерпан. Эль пожал плечами: среди просмотренных рас кандидатов на искомую должность явно не наблюдалось. Может быть, это какая-то пока неизвестная, неоткрытая раса? Тоже вряд ли – светлы могли иметь в виду расу мертвую, предлагая отыскать ее следы и воспользоваться оставшимся наследием, но обязательно уже известную тем, кому они давали свой совет. А таковые уже были все перебраны. Все, кроме...

– Черные призраки! – похоже, Гайя тоже пришла к такому же выводу, потому как высказала его одновременно с Элем.

Они переглянулись: действительно, черные призраки – истинные дети ночи, и не только по их легендарному облику.

Светлы, как известно, «чистые» энергеты. Люди и прочие – «материалисты». А вот черные призраки... Сразу не определишь, к какой категории их следовало бы отнести. Эта раса была чем-то средним, можно даже сказать – неправильным средним, согласно всем законам традиционной физики, не имеющим права на существование. Владея врожденными способностями к эйнштейн-переходу, призраки могли по желанию принимать и материальный, и сугубо энергоинформационный облик. Эль припомнил когда-то виденную голозапись с участием черного призрака (единственную на всю общегалактическую систему информаториев): ничем не примечательная человекоподобная фигурка вдруг неуловимо изменяется, превращаясь в точно такой же формы сгусток абсолютной черноты. Словно силуэт, прорезанный сквозь окружающий мир в никуда, но силуэт по-прежнему объемный, соответственно меняющий очертания, если обходить вокруг него. «Подзарядка...» – проскрипел тогда где-то за фоном механический голос электронного комментатора на

межлингво. Призраки тратили свою энергию щедро: упомянутый эйнштейн-переход – прямое управляемое преобразование материи в энергию и обратно в соответствии со старой и всем известной формулой $E = mc^2$, отличающееся от классической обратимой аннигиляции отсутствием необходимости иметь дело с антиматерией, позволяя им тратить лишь миллиграммы самих себя, оперируя с миллиардами тераватт. А при необходимости – восстанавливать запасы поглощением и материи, и любых внешних излучений, превращаясь для этого в безукоризненно стопроцентное «черное тело». Ну а уж в способности менять облики, становиться нематериальными невидимками и пользоваться пространственной всюдностью черные призраки могли дать фору любой из свет...

«Геракл», трепещущий от пространственно-временных флуктуационных перегрузок, скользил сквозь пространство в околосветовом режиме, наискось рассекая галактическую чечевицу в направлении ядра по ветви внеэклиптической логарифмической спирали. За многослойными ферропластовыми блистерами пилот-кабины далеко впереди по курсу расцветали непривычные грозди созвездий, растекались радужными полосами по бокам и угасали далеко сзади, заменяясь совсем другими, а всю переднюю полусферу заливала тускло-багровая, уже ставшая привычной заря реликтовых излучений. На таких скоростях любые материальные объекты вроде звезд, разнокалиберных космических бульжников и вездесущей вселенской пыли были несущественными: становясь более чем наполовину временем, а не материей, космолет по отношению к ним сам превращался в призрак. Разве что иногда шипение и свист межзвездного водорода о внешнюю оболочку заставлял Эля запрашивать у «Мирона» сведения о текущих координатах: «Геракл» проходил одну из газопылевых оболочек, делавших центральные зоны галактики подобными туго скрученному капустному кочану.

– Чувствуешь? – переспросил Эль, развернувшись вместе со своим креслом и положив ладонь на поручень Гайекиного. –

Ты хочешь сказать, что можешь почувствовать присутствие черных?

– Не знаю, – отозвалась она каким-то безжизненным, безэмоциональным голосом. – Но мне кажется, что они там, перед нами, совсем рядом... Мне кажется, что я... как будто все это давным-давно, много лет назад, когда я была совсем-совсем маленькой...

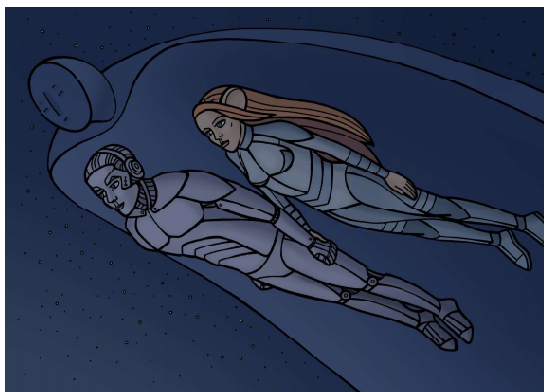
– Ты видела черных призраков!? – от неожиданности Эль так и подскочил.

– Да... – бездонные озера Гайиных зрачков смотрели куда-то сквозь Эля. – Ту их голозапись когда-то сделал мой отец. Один из черных был его другом...

Соваться к самому ядру, что оставляло слишком мало шансов на успех остаться живыми, не пришлось: их перехватили на подлете как раз тогда, когда перспектива свалиться в вращающуюся к сингулярности неуправляемую спираль стала реальностью. Но взамен – исчезла сама реальность!

Вибрирующая скорлупка «Геракла» растаяла. Вокруг было только Ничто и Никуда, залитые ослепительно черным светом. И в ней, в самом центре, неподвижно неслись сквозь пустоту две хрупкие фигурки: Эль, Гайя... и кто-то неоспоримый третий.

«Я друг, я не враг, я не сделаю тебе зла! Он друг, он не враг, он не сделает тебе зла!» – звонко разнеслось в сознании скороговоркой эхо мыслеформулы... Гайя! И он, киборг! Такие разные, физически разделенные пусть даже и небольшим пространством, теперь они были сознанием единого существа. Существа, где тень Эля жила в разуме Гайи, и тень Гайи – в разуме Эля. Сознанием, равным тому, которое светлы именовали детьми ночи.

«Ты слышишь меня в себе, я слышу тебя во мне», – ее мыслеголос был теплым и уютным и вместе с тем немного грустным. – «Мы теперь одно целое с тобой, правда?»

Гулко и тяжело, словно сквозь толстую пуховую подушку, ломкими непривычными словоформами в их память втекала речь Черного призрака. А вернее, – всех Черных призраков, существующих, существовавших и будущих существовать, ибо каждый из них тоже лишь часть единого целого.

«Ваша дорога пришла к нашему пути, дочь того, кто дал нам помощь. То, что просите вы, станет тем, что хотим мы, если только ваше слово не будет значить совсем другое к самому себе».

Их мысли и эмоции сплетались в один поток, переставая быть словами и чувствами. Боль давней марсианской, память о судьбе Ор'Диаллы (Эль впервые понял, что знает теперь, как звучало когда-то истинное имя родной планеты тех, кого он привык называть дисами), горечь несбывшихся надежд и желаний, стремление вернуть во вселенную мир раньше, чем слишком мало останется тех, кому он так нужен... И этот поток стремительно уносил их куда-то далеко, за пределы их единых сознаний, оставляя лишь воспоминание о том, что смысл его воспринят и понят. Понят именно так, как хотели оба они, на мгновение перестав быть до противоречия разными.

Теперь все это стало одним из воспоминаний – общих воспоминаний Эля и Гайи. «Геракл», словно от зеркала отразившись сквозь себя самого от некоей невидимой границы, скользил сквозь пустоту прочь от ядра галактики, возвращаясь назад, к обжитым планетам и звездам. Туда, где кипят людские страсти, где стремление к прибылям и желание мести пытаются решать человеческие судьбы. Он нес в себе самое мощное и могущественное за всю историю галактик оружие. Единственное во вселенной абсолютное оружие, способное покончить с враждой, а не с врагами. Оружие, которое – благодаря способности понимать и чувствовать друг друга – должно уничтожить в человечестве его человеческую агрессивность...